

**ЮЛИЯ ЧЕРНЯВСКАЯ
ШЕЛ ДЕСЯТЫЙ ГОД САНКЦИЙ
ИЛИ
ИНТЕРНЕТ ПО ТАЛОНАМ**

16+

Юлия Вячеславовна Чернявская

Шел десятый год санкций или Интернет по талонам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43265836

SelfPub; 2020

Аннотация

Если вы – лесник, волею судьбы оказавшийся в глухой сибирской тайге, и вам придан служебный медведь, запомните, никогда, вообще никогда не пытайтесь пойти на преступление. Даже если вам кажется, что медведь только и может, что пить, играть на балалайке и шерудить кочергой в реакторе, будьте осторожны. Все может оказаться не так просто.

Медведь был пьян. Нет, даже не так. Он был ПЬЯН, упился до скотского состояния. Василий пнул жирное брюхо, но в ответ донеслось только пьяное похрапывание. Зверюга не соизволила даже приоткрыть глаза. С другой стороны выкатилась пустая бутылка и, с тем незабываемым звуком, которые только и могут издавать пустые бутылки, покати́лась к стене. Толкнулась в нее, откатилась обратно, потом вновь оказалась возле стены и замерла этикеткой наверх. Василий обошел храпящую тушу и наклонился. Так и есть, последняя бутылка «Столичной», которую он думал обменять у одного из мужиков на пару талонов на Интернет. Теперь придется ждать конца месяца, когда будут выдавать новые талоны. И еще неизвестно, дадут ему, или обнаружат, что он случайно нажал не тут ссылку и попал на сайт, где девки голые были да подписи на английском. Спасибо, закрыл быстро, но мало ли решат, что он или шпионажем промышляет, или, что еще хуже, западенскую пропаганду почитывает. Потом можно долго в КГБ объясняться. Да, не хорошо. Свидетелей-то один медведь, и тот почти всегда пьяный. И еще неизвестно, на каких сайтах сам посиживает. Может, на таких, что им не только на интернет талоны, на марки почтовые права не дадут. Придется матери письма на обычных открытках писать, на радость всем работницам почтовой службы.

Вздыхнув, Василий принялся за уборку. Медвежья туша чуть приоткрыла один глаз, проследила за хозяином, после закрыла глаз, перевалилась на другой бок и захрапела даль-

ше. Все равно больше делать нечего. Интернет не работает, выпить нечего, да и по времени года – пора спячки. Против природы трудно идти. Вот был бы он на родине, в Ставрополе, там тепло, солнышко, там все легче. А тут самое то, всю зиму, наев предварительно запасы. Вот только начальство не поймет. Ну да пока можно. Вот сойдет снег, придется ежедневные обходы совершать, выявлять любителей собирать кедровые орехи да прикармливать промыслового зверя. Ну и заготовителей дров отслеживать. А то так и норовят вместе с сухостоем и хорошее дерево повалить. Работенка та еще. Надо сил набираться, пока время есть. И вообще, зачем ему лесник придан, вот пусть делами и занимается. Медведи бытом заниматься не обязаны. Разве что для медведицы какой. Но когда еще оно будет, пока нужно отдыхать.

По окончании уборки Василий вынес мусор, потом задумчиво посмотрел на угольный ящик полный пустых бутылок. Все равно уголь до них довозили в таком количестве, что можно было держать в подполе, да и пользовались они больше реактором, а не печью. Так что самое оно – скидывать пустые бутылки или какое барахло, которое в утиль берут. Надо бы пойти, бутылки, наконец, сдать, глядишь, талоны дадут на соль и перец, а то последнее время тушки ежей выходили пресными. Не помогали ни липовые дрова, ни еловые. Зола неприятно хрустела на языке. А можно не сдавать, а отнести к Марфе в соседнюю деревню. Она гнала самогон и продавала его под видом водки. Самогон был запрещен, но

водку в их медвежий угол привозили настолько редко, что на нарушение закрывал глаза даже местный начальник КГБ. Что уж говорить о рядовых сотрудниках, многие из которых просто досиживали до пенсии, чтобы, уйдя на законный отдых, отправиться обрабатывать свои гектары. Да что там говорить, три-четыре раза в год водку всего и привозили: на новый год, девятое мая, день независимости и к годовщине революции. В подарках. Строго по нормативу.

Немного почесав в затылке, Василий достал газету, выбрал центральные странички с рекламой новых домашних атомных ректоров, балалаек и комплектов расшитых валенок с ушанками. Каким образом эти газеты поставлялись в их деревню, удивляло. Продукты завозят раз в месяц, а газеты еженедельно. Лучше бы водку так везли. А то макулатуру тут собирать некому, а в печке жечь – ни уму, ни сердцу. На растопку же и половины странички хватает. И то сколько раз за год ту печь разжигать будешь. Осторожно завернув бутылки в газету, чтобы не брякали, сложил в мешок. За покупку самогона ничего не бывает, а за помощь самогонщикам можно схлопотать десять суток ареста. Что за это время в избе сотворит медведь, лучше не думать. Ну и бутылки никто не вернет. В лучшем случае, сами Марфе отдадут, в худшем – расколотят на месте.

Покосившись в сторону реактора, Василий снова печально вздохнул. Уран тоже заканчивался. Хотя, не так быстро, как все остальное. По идее, до медвежьего пайка дотянуть

должны. Еще стержня три или четыре в подполе лежит, но, если морозы осерчают да затянутся, придется обычную печь дровами топить. А их еще натаскать из леса надо. И медведь в этом деле не поможет. Вообще, непонятно, зачем ему эта зверюга. Все, что умеет – водку жрать да на балалайке наяривать. Да еще летом на ежей охотиться да шкурки сдирать. Василий вечерами тушки коптит, а из шкурок рукавицы шьет. Рукавицы эти потом в школах КГБ воспитателями используются. Те своих воспитанников постоянно в ежовых рукавицах держат. Ну а как еще с ними можно, ведь в школы не абы кого берут. Выучиться надо многому, а как научишь, когда класс на головах стоит. Вот проходит наставник, да руками в рукавицах подзатыльники направо и налево раздает, а рукавички ежовые со всеми иголочками. То-то и оно. Не каждый мастер такое сработает. Разве что на зоне лучше могут, ну да у них и машинки специальные. А у него, Василия, токмо медведь и простая иголка из нержавеющей стали – приз за победу в конкурсе.

Собственно, ежиков тоже почти не осталось. Где-то заваллся копченый барсук, да сплавщики возвращались назад по осени, подарили осетра копченого огромного. Но это они с медведем не трогали, это на День Победы оставлено. Как раз половодье, подвоз продуктов будет затруднен, овощи подьедятся, свежих еще не появится, а у них такой пир. Будет генеральный секретарь партии выступать с речью перед парадом, они с медведем достанут из подвала осетра да бар-

сука, водрузят бочонок капусты квашеной да моченой брусники на стол, откроют бутылку портвейна, что каждый год выдают в подарке вместе с вафлям, соевыми батончиками и пачкой серых макарон, и поднимут стаканы за здоровье великого правителя. А то, что будут просить потерпеть еще немного – ничего страшного. Они потерпят, не проблема. Сколько уже терпят? Десять лет прошло? Ничего, и еще десять потерпеть можно. Оно что, летом путевку обещали дать. В Крым поехать не получится, в Сочи тоже – туда только партийные ездят, да работники КГБ не ниже среднего звена. А ему что, ему ничего, можно и на Сахалин скататься, на острова, в бинокль на Японию посмотреть. На островах даже площадку специальную оборудовали. Кидаешь пять рублей и смотришь через биноклю. Можно и со своим, но где его по нынешним временам купишь? Лесникам они не полагаются.

– Я ушел, – окликнул Василий медведя, поднял мешок и вышел из избы. Храп прервался на секунду, но потом снова возобновился, даже сильнее, чем был. – Вот непутевое животное...

Василию без медведя было нельзя. Коли ты лесник, да еще в такой глуши, то медведь обязательно должен быть. Их там всего-то две деревни, да его изба в лесу. Одна деревня главная – в ней располагался опорный пункт КГБ, во главе которого стоял товарищ майор. Мужик он был неплохой. Пил в меру, баб щупал разумно, сразу никого не волок на правез, прежде разбирался что к чему. Еще медпункт располагался

с фельдшером и санитаром, да пост МЧС, в котором сидел наблюдатель и передавал в райцентр информацию о пожарах или половодье. Ну и артель грибников-ягодников. Они собирали все, что можно было собирать в лесу от орехов, грибов и ягод, до всяких корешков и травок, и сдавали государству. В свободное время копошились на своих огородиках или рыбу ловили, которая не разводная, а самая обычная. В другой рыбноводческое хозяйство, в котором разводили осетров, форель и корюшку. Не бедствовали. Леснику, за то, что изредка прикрывал глаза на поваленную без разрешения сосну, подносили то мешок картошки, то моркови или еще каких овощей. Много Василий не брал, так, чтобы им с медведем хватало. Все ж таки они не абы кто, талоны на макароны серые и гречку получают, а два раза в год им консервы завозят да медведю особый корм. Самому медведю до того и вовсе не было никакого дела, особенно, если стаканчик нальют. Тогда, хоть весь лес вывози.

Нет, все бы ничего, жить можно было бы припеваючи, если бы не медвежье пьянство. Ведь для чего медведи лесникам приданы? Браконьеров да врагов родины ловить, подлых агитаторов за западный образ жизни выявлять, а после сдавать куда следует. А тут? И сам не работает, и ему, Василию, не отвлекся. Давеча наткнулся на следы в лесу – кто-то на охоту вышел. И ладно бы зайцев отстреливал, или волков, которые стада колхозные режут. Нет, соболя промышляли, кабана да на редкого в их краях тигра покусились, потому

как волки да зайцы к ним давно так активно не приходят. Разве что зимой. Потом, вестимо, на лодки погрузятся, и уйдут на юг, в Китай. А там уже ищи ветра в поле. Не докажешь ничего. И надо бы пойти по следам, проверить, кто был да что творил, но никак. Медведь на крыльце на балалайке играл, да все норovil в реактор с кочергой залезть. Вот как тут уйти? А ну как влезет этот балбес со своей кочергой, натворит чего с пьяной морды, и рванет реактор. Этак, и от самих ничего не останется, и тайгу на десять квадратных километров потом оцеплять придется – радиоактивная зона. Было уже такое, правда, на севере, в тундре. Не досмотрели там, вот и докопался олень один. Теперь зона забором с колючей проволокой огорожена, на горе оленеводам, потому как трава там растет на загляденье, ягель, а уж ягоды какие... Это только кажется, что реактор маленький да безопасный, но шерудить в нем тоже уметь надо.

Нет, на границе ребята стоят не промах за то можно не переживать. Годами да опытом научены. То террористов ловить, которые едут мирных граждан убивать, дома разрушать, то воров, которые из страны богатства нечестно заработанные ввезти норовят. Да только приноровились браконьеры. Человека обмануть не сложно, а волкодавов да овчарок, что с людьми службу несут, с нюха сбить проще простого. Перцу насыпал, или травы какой, и пока следы найдут, он уже далеко. А то и не сам. Передает груз встречающему, и уйдет в ближайшую деревню. Или в Амур войдут с аква-

лангом в заводи на одной стороне, а выйдут уже на другой – никто и не заметит. В общем, тяжело леснику без медведя. Да и с ним нелегко. Коли начал пить, так не остановится, пока на заимке запасы не переведутся. А потом берет балалайку и начинает по деревьям ходить, песни похабные играть, в надежде, что где-то да нальют. А как объяснить людям, что б не наливали, коли это медведь из самого КГБ присланный.

Василий вздохнул, удобнее устроил на плече старый брезентовый рюкзак, доставшийся еще от деда, если не от прадеда, в последний раз оглянулся на избушку и пошел в деревню. Вроде реактор потихоньку работает, поддерживает тепло и питание холодильнику с компьютером. Кочерга спрятана надежно, в дупле, куда лапа медвежья не пролезает, а то этот алкоголик, как проснется, лезет с ней уран ворошить. Так что во избежание. Уже потом поиски водки и балалайки. Впрочем, искать больше нечего. А на самом реакторе, точнее на кожухе, замок цифровой, он перед уходом лично пароль сменил. И в Интернет не полезет – нет у них талонов, а последние килобайты закончились еще позавчера, когда по каталогу искали новую винтовку. Не дело, что лесник в лесу без нормального оружия. И что самое обидное, заказать не успели. А такая винтовочка была. Новенькая, только что с тульского завода. И с комплектом патронов. Мечта. Но Интернет закончился. Теперь заказать получится, только когда талоны дадут. Если дадут.

Размышляя о нелегкой своей судьбе, Василий добрался до

деревни. Специально заходил с того конца, где Марфа живет, крюк по лесу сделал. Если товарища майора встретит, всегда можно сказать, что шел бутылки сдавать, заодно кедровые орехи проверил – мало ли кто ценный экспортный орех промышляет или белок выслеживает. Прочий зверь осторожный, к деревням близко не подходит, а белку всякий на орехи приманит. Вот только потом что с ней сделают – неизвестно. Детишки поиграются и отпустят, а взрослые, особенно когда рыбы сдать надо по нормативу, а мясо давно не завозилось, и на белку жареную согласятся. Да что там, на белку, крыс да мышей тоже в пищу пускают, когда совсем припрет.

Товарища майора на пути не попало. Точно также как и Марфы. Первое лесника порадовало, а вот второе огорчило невероятно. Оказалось, уехала в поселок то ли к родственнице, то ли просто по делам. Соседи толком не знали, а уточнять у тех, кто в курсе, не хотелось. Еще начнут интересоваться, зачем ему вдруг самогонщица понадобилась. Так что Василий побрел в пункт приема вторсырья.

Приемщик Игнат с уважением посмотрел на рюкзак. Потом принялся пересчитывать бутылки, неожиданно взвешивать газету, в которую они были упакованы. Долго что-то смотрел в тетрадке, подсчитывал на исчерканном вдоль и поперек разными цветами листочке. Наконец, торжественно сообщил:

– На пару сотен получилось. Что будешь брать, деньги или талоны?

Деньги Василию до отпуска были ни к чему. Куда тут с ними пойдешь? Это в городе можно в кино сходить или театр, на такси проехать, хотя бы газировку или кофе в автомате купить. Или у подпольных торговцев приобрести что-то полезное. В деревне ценились талоны. Ну и самогон. Куда ж без него. Так что деньги, если вдруг такие появлялись, он относил в пункт КГБ, где сдавал под расписку. А помощник товарища майора потом переводил их на счет в Главном Банке, от которого у лесника была карточка. Много ли накопилось, Василий не знал, но на хороший велосипед, по его прикидкам, должно было хватить. Поедет в отпуск, тогда пойдет в специализированный магазин, где закупались военные и приравненные к военным граждане, в число которых входили и лесники, и купит себе и велосипед и, если хватит, новые укороченные лыжи-снегоходы, чтобы зимой сподручнее было обходы совершать.

– Талоны на что? – на всякий случай осведомился лесник. А то мало ли возьмет, а там ерунда какая, типа очередной балалайки или фирменной ушанки от Вячеслава Зайцева. Балалаек в доме уже пять. А в ушанках расписных да расши-тых хорошо гулять где-то в Москве или Сочи. Но никак не в их деревне. Холодные, продуваются. Только герб красиво нарисован на синтетической ткани. Такие туристы хорошо покупают вместе с ватниками и валенками.

– На соль, перец, прочие специи, сахар, спичку, крупы. Гречку вот завезли. На уран есть, на сигареты. На тушенку

еще. На чай, мыло, керосин, батарейки в фонарики. И еще на кофе привезли, – зачитал неожиданно большой список приемщик. – Вчера это, фура приезжала. Какое-то особое распоряжение было, вот нам и подвезли еды сюда. Ну и список расширили, что в утиль принимают. Бумагу добавили, тряпье старое, банки жестяные, да почти все, что народ в лес на свалку несет. Все, небось, уже туда побежали, собирать обратно, что еще живо. Я памятку дам, посмотришь, что там есть у тебя.

Тушенка Василию была не нужна. Точнее нужна, но не такая, как завозили. Лучше он сам себе мясо добудет. Летом зайцы хорошо плодились, белки, посягавшие на кедровые орехи, птица. Зимой встречались волки и лисы, близко подошедшие к деревне. Бывало и лоси, ломавшие ноги в буреломе, или кабаны, кои пытались прогнать медведя со своей территории, но терпели поражение в неравной схватке. Все-таки медведь в лес без табельного Калаша не ходил. Это в нынешней зимой снега много навалило, животные не подходили близко, кроме лосей, кои в кормушки исправно наведывались. Так что мясом они себя обеспечат, если совсем припрет, никто не будет разбираться, когда тот дурной лось ногу сломал, до того, как его пристрелили или после. Вот пусть еще раз сунется в огород, и все, мяса на пару месяцев хватит. Сигареты лесник тоже не брал, почти как и все остальные жители деревни. Дед Архип такой самосад выращивал, что после него даже Беломорканал казался прес-

ной пересушенной травой. Керосином лесник не пользовался. Вместо батареек ему выдавали аккумуляторы и зарядное устройство для них. Брать же талоны на кофе не хотелось. Талоны будут, а вместо кофе коричневый порошок из желудей. Так что надо сначала посмотреть, а уж потом, если стоящий, со следующей партией утиля можно будет обменять. А то скопилось дома бумаги, да и прочей ерунды имелось по мелочи, а, может, и больше.

– Соль, перец, лаврушка, – принялся перечислять Василий. – Потом гречки, сколько можно. Урана достаточно. Медведю бесплатно полагается. Должно до следующей выдачи хватить. Мыло давай, чай. А макароны есть?

– Есть, серые, толстые.

– Давай, – решил лесник. – Ну и хлеба какого или сухарей.

Получив требуемые талоны и листовку, где перечислялось, что еще можно сдавать, согласно обновленным спискам, составленным партией и правительством, Василий отправился в сельпо. Идти предстояло мимо дома тетки Акулины. Можно было и в обход, но тогда пришлось бы идти мимо дома председателя. Лишний раз попадаться на глаза товарищу майору не хотелось. Пусть мужик он хороший, но, все-таки, какая ни есть, а власть. А от власти лучше держаться подальше. В свое время договорился уже, когда в институте его декан услышал. И ведь сделал вид, зараза, что только что вот подошел, и не понимает, почему на него так испуганно смотрят. А потом припомнил, сволочь краснорожая.

Его доносом он тут оказался, больше ничьим.

«Пусть ее, – решил Василий, сворачивая на ближнюю дорожку. – Ну, напишет пятисотую жалобу в КГБ, что он медведя съел. Так ничего не будет. Посмеются, и пустят на самокрутки. Пусть лучше покажут того дурака, который медведя решит убить. Это ж как минимум десять лет на рудниках за северным полярным кругом. Или на нефтяной вышке. В лучшем случае. В худшем – расстреляют, и вся недолга. Хотя, это, кажется, за медведицу уже. Ну да все равно».

На этот раз повезло. Сплетницы во дворе не наблюдалось. То ли строчила очередные жалобы и доносы, то ли по делам своим отлучилась, но миновал ее дом лесник без происшествий. Понятно, быстрым шагом, почти бегом, но лучше так, чем в самый неподходящий момент услышать за спиной злобное бормотание.

После визита в сельпо рюкзак стал ощутимо тяжелым. Крупа, макароны, специи, несколько буханок хлеба должны были ощутимо разнообразить рацион, до того состоявший из помороженных овощей, уже начинавших гнить. Еще бы водочки, или, хотя бы самогонки. Но есть чай, что тоже неплохо. О коньяке, который Василий пил когда-то давно, и мечтать не приходилось. А через неделю будет почта. Письма от матери и отца придут. Мать сейчас работает где-то на Сахалине. У них там с Интернетом совсем тяжело. Как шторма, так никакой связи. Кабель проложить не получается – то японские диверсанты перерезают, то свои вредители на

цветной металл утаскивают, то просто мешает маневрам военных кораблей и подводных лодок. Отец воюет где-то. Сначала был в Сирии, а куда теперь послали восстанавливать мир после визита демократов, неизвестно. Все засекречено. В письмах даже намек нет. Раньше пытался хоть на что-то указать, но вымарывали. Цензура. Для военных самая строгая. Ничего, приедет в отпуск в гости к сыну – расскажет. Или к матери отпустят, а уж она потом передаст. Жаль только, что все вдруг стало таким секретным. Ведь когда-то все было иначе, можно было не бояться ничего и никого. Нет, кого-то все-таки нужно, но все равно было иначе.

Напрягая память, Василий попытался вспомнить, что произошло. Вроде, когда он был маленьким, были Кока-кола и чупа-чупсы, смартфоны и иномарки, техника зарубежная, люди свободно ездили отдыхать в другие страны. А потом все стало резко меняться. Он был еще мал и глуп, предпочитал болтаться с пацанами во дворе. И как-то все прошло мимо. Просто в какой-то момент переставали открываться любимые игры, потом из магазинов стали исчезать любимые чипсы и лимонады. Музыка потеряла прежнее разнообразие. Даже всякие полураздетые мальчики и девочки, которые пели три строчки двадцать раз, пропали. Их постепенно сменяли дамы в строгих платьях с не менее строгими прическами и суровым выражением лиц, мужчины в костюмах или военной форме, детские ансамбли. И песни или те, из далекого прошлого, или новые, но в том же духе. Враг будет по-

вержен, победа будет за нами, все в бой с врагом внешним, внутренним за светлое будущее.

Потом была армия. Служить пришлось. Здоровье позволяло, особых ограничений не было. А возможности пересидеть в институте и вовсе не предполагалось. Теперь в институт не брали, пока не отслужишь. Вообще ни в одно учебное заведение после школы не брали без армии или бумаги из военкомата. А потом учиться уже не хотелось, но пришлось. Вот только в армии перестарался, слишком хорошими вышли характеристики. Вместо путяги или, как оно теперь красиво называлось, лица определили в какой-то мало популярный вуз, после которого он и вышел лесником. Потом распределение, и вместо родной Москвы его домом стала суровая сибирская тайга. А напарником пьющий медведь. Впрочем, сам он тоже приучился еще в армии употреблять. В институте навык отточился. И уже не вспомнишь толком, что такого произошло в, казалось бы, далеком детстве, когда сначала постепенно, а потом все быстрее начал меняться уклад в стране. Хотя, лет не так много прошло, десять, наверное. Вряд ли больше. Потому что ему самому двадцать шесть. И не то, чтобы в детстве начало перемен. Эх, вспомнить бы, когда все началось. До кризиса, во время или после. Хотя, он что до армии новостями не интересовался, что потом. Разве что за Сирией через интернет следил, потому что там отец. И то просматривал, не сбили ли батю, и все.

Размышления прервало появление отца Варсонофия. Ва-

силий смиренно отошел на самый край дороги, склонил голову. Шапку по причине сильных морозов стягивать не стал, позволялось во избежание простуды или обморожений. Патриарх даже специальное постановление издавал, а то в иных местах особо ретивые попы требовали с мужчин непременно головной убор снимать, и не важно, какая погода. Положено так. Было как-то дело, правда не у них, а чутка севернее, один батальон отправился дружно в госпиталь с тяжелой простудой и осложнениями – отстояли службу на свежем воздухе при минут сорока градусах. А всего-то надо было новую технику освятить.

– Благословите, отче.

– Благословляю, сын мой, – прогудел сочный, даже какой-то мясистый, бас священника.

Голос был под стать фигуре, такой же сочной, мясистой, наетой. Василий невольно задавался вопросом, как с такими телесами святой отец еще мог чем-то заниматься с женщинами. А ведь грешил. И очень активно. Все, кому уже исполнилось четырнадцать, попадали в зону интересов святого отца и не покидали ее лет до шестидесяти, а иные, кто за собой по старой памяти следил, и дольше. Все-таки многие тут из городов по распределению. Та же Марфа, например. Она, кажется, из Волгограда, или Владивостока. Точно Василий не помнит.

– А что, – вновь прогудел батюшка, – не завезли «Столичной» али «Пшеничной»?

– Нет, отче, – пролепетал Василий. Ведь священник должен знать, что водку не завозят. И будет она только к празднику в подарок. Или им кагор положен? – И Марфа уехала куда-то. Только в конце недели будет.

– Плохо сие, – отец Варсонофий вздохнул, после перекрестился на что-то, одному ему видимое или ведомое. – Ладно, сыне мой, ступай и не греши.

Василий, насколько то было возможно с его рюкзаком, поклонился в ответ, после чего медленно побрел в сторону сторожки, по пути задаваясь вопросом, как можно грешить, когда рядом кроме медведя, никого нет. Не с медведем же. Да и при нем нельзя. Мало ли что паразит мохнатый потом в интернете напишет. Вот разве что мясное в постные дни ест. Но что делать, когда кроме копченого ежа вообще ничего не бывает? Ну да наверху все лучше видно. Пусть думать так, не то, что не грех, но точно не преступление, лучше верить в то, что высшие силы разберутся, чем бездумно класть поклоны, пока браконьеры белок промышляют. Нет, лучше уж согрешить, но государственное добро сберечь. Иначе никакие молитвы и посты не помогут. Не будет следствие разбираться, почему не пресек безобразие. Отправят за северный полярный круг или нефть добывать, или уголь и руду копать, или дороги строить. Государству хорошо, а вот тебе...

Дождавшись, пока священник удалиться на приличное расстояние, Василий осторожно сплюнул себе под ноги, после чего быстро зашагал по дороге. Хотелось поскорее ока-

заться в своей сторожке, пусть там даже пьяный медведь. Ничего, скоро отоспится, а пить больше нечего. Последнюю бутылку вылакал, скотина. Лесник злобно усмехнулся. Вот посмотрим, как он будет до самых майских без капли алкоголя. Просто потому, что только к праздникам будет прислан подарочный продуктовый набор. А до того еще дожить надо. Новогодние праздники миновали, на день Красной армии презентом был новый костюм маскировочный на три размера больше и свисток, самому медведю – шапка-ушанка и двадцатилитровая канистра шампуня от блох. Пусть теперь думает, коврик мохнатый, как чужие заначки разорять. Просто так ему больше не нальют, даже Марфа. Особенно она. Все-таки медведи тоже свое начальство имеют. А ну как сообщат, куда следует, доказывая потом обратное. Медведю веры больше, чем человеку.

Подбадривая себя такими злорадными мыслями, Василий почти дошел до сторожки, когда из-за куста вышел явно ожидавший его Тарас. Где он жил, кем работал, откуда взялся в тайге, никто не знал. Слухи ходили разные. Кто-то говорил, что человек этот из дальней деревни, другие, что он шпион, третьи, что контрабандист. Сам мужчина называл себя вольным стрелком, подрабатывающим то тут, то там. Неожиданно появлялся и исчезал, никому ничего не сообщая. Обычно их с лесником пути почти не пересекались, но сейчас он ему зачем-то понадобился.

– Здрав будь, добрый человек, – сделал он шаг на дорогу

и окликнул намеревавшегося пройти мимо Василия.

– И тебе не хворать, – пришлось откликнуться леснику.

– А я вот тебя поджидаю. Дело есть.

– Что за дело? – начало беседы уже не нравилось.

– Серьезное. Коли удастся, будешь не то, что самогонку картофельную, коньяк попивать в свое удовольствие, – забросил удочку Тарас.

– Я не пью, – попытался отговориться лесник.

– Ой, да будет врать-то, – рассмеялся его собеседник. – Что б мужик жил один да не попивал втихую. Рассказывай это тетке Акулине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.